

Татьяна Артёмова

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ КАК ДОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАРМОНИИ¹

Становление информационного общества и сетевой экономики ознаменовало начало глобальных рыночных трансформаций, которые по своей глубинной сути сопряжены с необходимостью творческого осмысления новой социально-экономической картины мира. Адекватным ответом на витальный социальный запрос является формирование релятивистской экономической теории. Логику Срединного пути как классическое институциональное русло призвана сегодня сформировать политическая экономия в широком смысле с помощью теории стоимости – экономической ценности.

Со времён Адама Смита, когда экономическая наука опознаёт отношения стоимости в качестве собственного предмета, и доньше теоретическое русло классической школы сохраняет внутреннюю гармонию и способно продуцировать сигналы равновесного функционирования и устойчивого развития для хозяйствующих субъектов. Основанием для этого служат его ценностные истоки в тройственном единстве превращённых экономических форм предельной полезности, стоимости и цены. Такое русло способно, с одной стороны, наиболее полно отобразить экономическую картину мира посредством ценностного единения хозяйственной истории, с другой, – творчески преобразовать её.

Тройственная природа экономической ценности как идеальная платформа институциональной архитектоники хозяйствования, призванной сформировать ориентиры добродетельной общественной жизни, составляют сердцевину подлинных европейских ценностей. Однако концепт европейских ценностей доньше не осмыслен в системе координат фундаментального научного знания, а ключевое понятие экономической ценности как экономического блага не получило надлежащего научного истолкования и последовательного развёртывания. Идейная отстранённость официальных течений современной экономической мысли от институционального ядра европейских ценностей обуславливает тенденцию их методологической деградации.

Между тем ценностная методология не исчерпала свой потенциал. Преемственность с наследием классической политической экономии обуславливала важнейшие творческие прорывы в экономической теории в течение XX века. В недрах логики Срединного пути на основе концепции стандартного товара

Артёмова Татьяна Ивановна (blagosostojanie1986@gmail.com), д-р экон. наук, доц., старш. науч. сотруд.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины" (Киев). ORCID 0000-0001-8511-9681

¹ Статья вторая.

Цитирование: Артёмова Т. И. Теория стоимости как достояние экономической науки: восстановление оснований общественной гармонии. *Экономическая теория*. 2022. № 4. С. 30–52.

© Т. Артёмова, 2022

П. Сраффы сформировались контуры новой модели экономического равновесия хозяйственной системы в процессе её информационно-технологической модификации. Однако традиционная экономическая наука не распознаёт истинного содержания такой концепции. В условиях ценностной дезориентации на фоне политизации экономических отношений и дисфункции общественных институтов борьба за трансформацию модели мирового порядка обретает признаки войны против человечества. Но не "жесткая" сила и манипулирование технологиями, а эффективное овладение общественными ценностями, восстановление их благотворного творческого потенциала являются залогом успеха в противоборстве.

Ключевые слова: глобальные рыночные трансформации, экономика новой реальности, мировой общественный порядок, методология экономической науки, теория стоимости, экономическое благо, релятивистская политическая экономия в широком и узком смысле, устойчивое развитие, европейские ценности.

THEORY OF VALUE AS AN ASSET OF ECONOMIC SCIENCE: RESTORATION OF THE FOUNDATIONS OF SOCIAL HARMONY

Tetiana Artomova (blagosostojanie1986@gmail.com) Doctor of Economics, Chief Researcher Department of economic theory SI "Institute for Economics and Forecasting NASU" Kyiv. ORCID 0000-0001-8511-9681

The formation of the information society and the network based economy has marked the beginning of global market transformations, which in their deep essence are associated with the need for a creative understanding of the new socio-economic picture of the world. An adequate response to the vital social demand is the formation of a relativistic economic theory. The logic of the Middle Way as a classical institutional channel is today called to create political economy in a broad sense with the help of the theory of economic value.

Since the time of Adam Smith, when economic science recognized value relations as its own subject, and until now, the theoretical stream of the classical school has preserved internal harmony and is now able to produce signals of balanced functioning and sustainable development for economic entities. The basis for this is its value based origins in the triple unity of transformed economic forms of marginal utility, value and price. Such a concept is able, on the one hand, to most fully reflect the economic picture of the world with the help of the value based unity of economic history, and on the other hand, to creatively transform it.

The triple nature of economic value as an ideal platform for the institutional architecture of management designed to formulate the guidelines of virtuous social life, constitutes the core of true European values. However, the concept of European values has not yet been properly understood in the coordinate system of fundamental scientific knowledge, and the key concept of economic value as an economic good has not yet acquired proper scientific interpretation and consistent deployment. The ideological detachment of the official concepts of modern economic thought from the institutional core of European values determines the tendency of their methodological degradation.

Meanwhile, the value based methodology has not exhausted its potential. Continuity with the legacy of classical political economy determines the most important creative breakthroughs in economic theory during the 20th century. In the bowels of the Middle Way logic based on the concept of a standard product by P. Sraffa, the outlines of a new model of economic equilibrium in the economic system were formed in the process of its informational and technological modification. However, traditional economic science does not recognize the actual meaning of such a concept. Under the conditions of value disorientation against the background of politicized economic relations and dysfunction of social institutions, the struggle for the transformation of the world order model acquires the characteristics of a war against humanity. But it is not the "hard" power and manipulation of technologies, but rather effective mastery of social values, and the restoration of their beneficial creative potential, that is the key to success in the struggle.

Keywords: global market transformations, economy of the new reality, world social order, methodology of economic science, theory of value, economic good, relativistic political economy in the broad and narrow sense, sustainable development, European values.

*Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд;
в сравнении со светом она выше;
ибо свет сменяется ночью,
а премудрости не преодолагает злоба*
Книга премудрости Соломона 7, 29

Положи меня, как печать, на сердце твоё
Книга Песни Песней 8, 6.

Становление информационного общества и сетевой экономики ознаменовало начало глобальных рыночных трансформаций, которые по своей глубинной сути сопряжены с необходимостью творческого осмысления новой социально-экономической картины мира. Адекватным ответом на витальный социальный запрос является формирование релятивистской экономической теории. *Логика Срединного пути* как классическое институциональное русло призвана сегодня сформировать политическая экономия в широком смысле с помощью теории стоимости – экономической ценности.

В самом общем виде дорожная карта развёртывания политической экономии в широком смысле обозначена в пределах марксистской школы. Но сформированная здесь логико-историческая панорама хозяйственной жизни требует последовательного восстановления в состояние гармоничной институциональной архитектоники как бытия превращённых форм экономического блага. Формирование научных подходов к восстановлению оснований общественной гармонии посредством творческого переосмысления экономической истории как процесса разворачивания истории в современность сквозь призму ценностной методологии (логики Срединного пути) составляет **цель настоящей статьи**.

В свете ценностной методологии творческие озарения Аристотеля, связанные с опознанием тройственной природы экономической ценности, институциональной архитектоники хозяйствования, питают истоки научного постижения законов экономической гармонии – равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственных систем (Артёмова, 2022. С. 44). Тем самым в недрах античного сообщества в целом была осознана его миссия как субъекта глобального процесса развёртывания институциональной архитектоники хозяйствования. Это позволило сформировать предпосылки для реализации цивилизационного проекта Средневековья. Но для успешного осуществления такого проекта элиты средневекового общества, в свою очередь, должны были оказаться способными воспринять и переосмыслить ценностное наследие античности.

Вклад Средневековой цивилизации в становление логики Срединного пути

Между тем для марксизма средневековая экономическая мысль не представляет исследовательской ценности, и в "дорожной карте" политической экономии в широком смысле она негласно оттесняется на обочину. Некоторые пояснения в этой связи можно отыскать в экономической ли-

тературе советского периода. Работ, специально посвящённых экономическим вопросам, в раннем средневековье нет, отмечают, в частности, Ф. Полянский и В. Дроздов. Во-первых, уровень экономического развития германских государств был невысок. Во-вторых, господствующей формой идеологии стала христианская религия, так что все рассуждения по экономическим вопросам облекались, как правило, в религиозно-этическую форму. В-третьих, сказывался известный регресс в области научной мысли (Полянский, Дроздов, 1987. С. 167). Для официальной доктрины политической экономии более привычно трактовать экономическую мысль средневекового общества с позиций формационного подхода, фокусирующего внимание преимущественно не на его ценностных устоях, а на конструкте феодального способа производства. В такой системе координат нищета ценностного восприятия средневековой цивилизации продуцирует для наблюдателя замутнённые ("тёмные") её паттерны как архаического закостенелого хозяйственного уклада.

Следует отметить, что неприязненное отношение к средневековому обществу, накопленному здесь интеллектуальному богатству, системе мировоззрения характерно не только для марксизма, но – в более широком контексте – для всей естественно-научной парадигмы общественного прогресса. Так, лукавые воззрения на средневековое общество как на тёмный период человеческой истории, исполненный технологического несовершенства, цивилизационной отсталости и даже варварства активно генерируются господствующей либеральной доктриной. Вследствие чего содержание ключевых понятий хозяйственной жизни (глобализация, универсум, благо, институциональная архитектура, сетевая организация, виртуальная реальность, гармония порядков, синергия, доверие, утопия, неопределённость, риск, свобода, равенство, инверсия, инклюзия и множества других), которые активно осмысливались в стенах средневековых монастырей и университетов, ныне оказывается искажённым, поверхностным, не получает надлежащего ценностного наполнения.

Подлинное богатство средневековой цивилизации до сих пор остаётся в значительной мере закрытым для глобального сообщества: неизведанным и невостребованным. Провалы в ценностной исторической памяти существенно затрудняют понимание законов равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственных систем в условиях новой экономической реальности, что, в свою очередь, расширяет форматы турбулентности и хаоса в общественных отношениях, отвлекает социум от поиска достойных ответов на глобальные вызовы бытия.

Осмысление исторической миссии средневековой цивилизации неразрывно связано с оценкой её вклада в становление логики Срединного пути через опыт интеллектуального постижения природы превращённых экономических форм и законов институциональной архитектуры. При этом важно учитывать, что, с одной стороны, картина мира средневекового общества существенно отягощена герметическими и магико-алхимическими представлениями. С другой – натурфилософия и практики алхимии, которые, как считается, способствовали становлению основ точного естествознания, в равной мере – посредством интеллектуального "реактивного сплава" христианского аристотелизма – содействовали формированию ядра научного естествознания, социологии в широком

смысле. В этой связи *исторический диалог между Аристотелем и Фомой Аквинским*, который имел определяющее влияние на развитие научной мысли, системы гражданских институтов не только европейской, но всей общественной жизни, представляет особый интерес для политической экономики. В свете ценностной методологии, такой диалог, внешне строго научный и ценностный, на поверку оказался формально схоластическим.

Известно, что трудами средневековых схоластов была воспринята и переосмыслена философская мысль античности, прежде всего, аристотелевское учение об общественном благе. С одной стороны, в ходе такой интеллектуальной модернизации была восстановлена логико-историческая преемственность европейских ценностей как глобального общественного достояния. В частности, Ф. Аквинский на страницах своих трактатов вступает в ценностный диалог с Аристотелем и, сообразно с канонами средневековых интеллектуальных диспутов, соотносит постулаты Философа об общественном благе с положениями Священного учения как чистой мудрости. Феномен живого исторического собеседования представителей лучших умов античности и средневековья заложил предпосылки для становления классической европейской философии и науки нового времени. Из драгоценного интеллектуального сплава "христианского аристотелизма" в итоге были выкованы также и те институты гражданского общества, которые донныне составляют предмет гордости европейских народов и образцы для подражания во всём мире.

С другой стороны, результаты высокой коммуникации Аристотеля и Ф. Аквинского имели неоднозначное влияние на последующее развитие философии, науки и гражданского общества в Европе, а вместе с тем и во всём мире. Они обусловили сложную коллизию взаимоотношений между научным и религиозным сообществами, включая их конфликт и открытое противостояние, и тем заложили тенденцию последующего ценностного выхолащивания системы общественных институтов.

По сути полноценный паритетный диалог между представителями Философии и Теологии не состоялся. Дело в том, что напряжённые рассуждения Аристотеля о едином сущем благе как предмете особой науки, призванной сформировать ценностные ориентиры добродетельной общественной жизни, в его трудах не получают формального завершения (однозначного уяснения) в концепте превращённой экономической формы и постепенно "сходят на нет" – исчерпываются (Артёмова, 2018. С. 10). Тем более неочевидными они оказываются для Аквината, а вместе с тем для последующей экономической науки и обществознания в целом.

Со своей стороны, вступая в исторический диалог, Ф. Аквинский исполнен твёрдых убеждений, что единая наука о всеобщем благе существует; и это вовсе не философия как продукт божественного ума человека, указывающая пути к обустройству счастливой земной жизни, а поистине принадлежащая Богу наука о сокровенном – священное знание, в виде Священного Писания, дарованное человеку во имя его спасения через Божественное откровение. Несмотря на то, что священное учение исходит из положений веры, каковые не являются самоочевидными, оно суть наука, потому что исходит из положений, установленных в свете

высшей науки, преподанной самим Богом и теми, кто удостоился блаженства, пишет Ф. Аквинский (*Аквинский*, 2007. С. 5–7).

Священное учение есть чистая мудрость, превосходящая все человеческие мудрствования вместе взятые абсолютно во всех смыслах. Оно черпает свои принципы не из человеческих знаний, но из знания божественного, которое, как высшая мудрость, предопределяет все человеческие познания. Сама способность к научному познанию исходит не из естественного разума, а ниспосылается через откровение. Поэтому ключевые положения других наук нуждаются не столько в доказательствах, сколько в согласном установлении; и все постулаты, входящие в противоречие хотя бы с одной истиной священной науки, должны быть признаны ложными, заключает Ф. Аквинский (*Аквинский*, 2007. С. 11).

Поскольку священная наука является отчасти умозрительной, отчасти практической, она превосходит все иные науки. Превосходства над умозрительными науками она достигает вследствие большей несомненности и достоинства своего предмета. Что до практических наук, то превосходит иные та из них, которая предписывает цели другим. Целью священного учения (в той мере, в какой оно обнаруживает себя как практическая наука) является вечное блаженство, с каковой, как со своей конечной целью, образуются частные цели всех прочих практических наук. Священная наука может принимать некоторые положения от философских наук, но не потому, что зависит от них, а лишь затем, чтобы сделать учение более доступным для разумения. Так как свои начала она получает не от других наук, а через Божественное откровение, она не зависит от прочих наук, как от высших, но использует их, как низшие – как госпожа прибегает к услугам служанок, резюмирует Аквинат (*Аквинский*, 2007. С. 9–10).

Между тем в контексте логики Срединного пути, главной задачей Высшей научной мудрости в отношении с земными науками является не демонстрация её абсолютного превосходства, а "взыскание веры" ради человеческого спасения. Такое взыскание может произойти только в том случае, если ноосфера (планетарное воплощение научного сознания) как субъект высокого интеллектуального диалога готова добровольно воспринять истины, преподанные через откровение, и способна претворить их в насущные ценностные ориентиры для человеческого рассудка. В противном случае ценностный диалог Высшей Мудрости с земным разумом оказывается невозможным; вместе с тем для человека и общества закрываются пути жизненного спасения. В состоянии неопределённости оказывается и само гражданское общество, для которого неразличимыми становятся очертания институциональной архитектоники как универсального пространства счастливой (благой) жизни, обустроенной в соответствии с законами разума (*Артёмова*, 2018. С. 10–12).

Однако земное и небесное содержание экономического блага в средневековье получило возможность согласованного отображения в институте справедливой цены (лат. *justum pretium*), конституирующем нормы товарного обмена в соответствии с принципами достоинства участвующих в нём лиц. Идея справедливого товарного обмена, высказанная Аристотелем, активно обсуждалась в среде католической профессуры, пишет О. Ананьин. Дискуссии опирались на нормы римского права, которое обо-

гатило толкование отношений обмена понятием свободы договора его участников (Ананьин, 2001а. С. 21).

По сути, сформированное схоластической мыслью понятие *справедливой цены* знаменует институциональный образ экономического блага как превращённой экономической формы. Действительно, институт справедливой цены организационно опирается на экономическую и нравственно-этическую составляющие общественных отношений, которые непрерывно перетекают друг в друга, сообщая хозяйственной жизнедеятельности социума-универсума императивы всеобщей гармонии. Аквинат различал два вида справедливости в обмене, которые обеспечиваются посредством цены, замечают в этой связи Ф. Полянский и В. Дроздов. Справедливость в обмене, с одной стороны, определяет отношения участвующих в нём сторон, гарантируя цену "сообразно вещи", с другой – отношение "части к целому", обеспечивая больше благ тому, кто больше значит для общественной жизни (Полянский, Дроздов, 1987. С. 177). То есть институт справедливой цены конституирует отношения взаимовыгодного обмена, гарантирующего его участникам "приличествующее их сословию благосостояние" в виде нормального дохода.

Таким образом, реализация идеи справедливой цены мыслилась в форме общей моральной нормы, эталона общественных отношений, восходящих от своей первичной укоренённости в принципах (обычаях) рыночного обмена. "Моральные нормы лучше всего закрепляются в тех случаях, когда они входят в обычай, становятся правилом поведения. Обычай и стал точкой отсчёта при практическом определении справедливой цены", пишет О. Ананьин (2001а. С. 22). Борьба с нарушением правил справедливой торговли также предполагалась институциональными способами – в соответствии с нормами римского права.

Однако вне контекста широкого научного осмысления панорамы общественных экономических отношений, на фоне ценностно "обособленной" (усечённой) её интерпретации, модель справедливой цены оказывается иллюзорной: теоретически невнятной и практически недостижимой². Дисфункциональность института справедливой цены существенно сужает пространство гармонии (консонанса) в организации хозяйственной жизни и обуславливает тенденцию конфликтности общественных интересов при истолковании цивилизационной картины мира.

Так, диалог представителей античности и средневековья на перекрётках исторических судеб политической экономии в широком смысле завершился на высокой ноте идейного превосходства теологии над человеческим разумом. Однако для набирающей силу системы светского научного знания его результаты не показали достаточно убедительными. Подспудно сознавая разрушительный потенциал ценностно неопло-

---

² Традиция ценностной усечённости с того времени является характерной особенностью институциональных течений экономической мысли. Они не рассматривают цену как свой основополагающий институт и потому, обрушиваясь с критикой на методологические принципы традиционных течений экономической мысли, сами по себе неспособны предложить конструктивные альтернативные подходы для их усовершенствования. Но вынуждены заимствовать методологическое ценностное ядро критикуемых экономических течений (как в случае неoinституциональной теории), чтобы обрести "экономическую почву" под ногами.

дотворенной научной стихии, институт официальной церкви не смог предложить иных вариантов его сдерживания, кроме прямых ограничений творческого поиска. Но уже пора европейского Ренессанса в значительной мере была подготовлена общественным давлением научной мысли; в эпоху Просвещения социум делает решительный выбор в пользу автономизации и секуляризации всех общественных институтов и отношений; начиная с Нового времени, сила науки торжествует над церковными канонами, и донныне авторитет её не подвергается сомнению. При этом, *однако, в основание нового подхода к принципам обустройства хозяйственной жизни в соответствии с научной картиной мира были заложены зёрна наметившегося в средневековье ценностного разлада – раздвоения институционального фундамента научного знания как чистого общественного блага* (Артёмова, 2018. С. 11–12).

Истинная подоплёка такого разлада, равно как и конфликта традиционных институтов науки и церкви, до сих пор не получила надлежащего ценностного осмысления³. Между тем указанная проблема имеет не просто умозрительное значение, но затрагивает актуальные интересы каждого субъекта на всех уровнях хозяйствования. Ибо не согретый любовью к человеку религиозный догматизм и ценностно неоплодотворённое научное знание обладают разрушительной мощью, сродни силе необузданной природной стихии⁴; увлечённые потоками общей ценностной деградации такие институты могут когерентно взаимодействовать, порождая лавину негативных синергетических эффектов локально-глобального масштаба.

С таким интеллектуальным багажом человечество подошло к решающему историческому выбору, предельно обнажившему диссонансы общественного бытия на фоне нарастания неопределённости хозяйственных перспектив. В условиях разворачивания истории в современность былые нерешённые общественные проблемы обретают актуальный характер и создают беспрецедентные угрозы самому существованию человека и человечества. С новой силой заявляет о себе потребность формирования адекватной ценностной платформы для конструктивного созидательного общественного диалога. Такой вселенской интерактивной площадкой способна стать релятивистская политическая экономия как

³ Отношения между институтами традиционной науки и церкви донныне пребывают в состоянии глубокого, но внешне скрытого конфликта, отголоски которого периодически выплывают на поверхность. Несмотря на то, что представления о религии в современном обществе изменились, многие ветхие воззрения прочно укоренились в общественном сознании. Одно из таких представлений – непримиримая борьба религии с наукой. Сторонники подобного взгляда, защитники обиженных христианством учёных, продолжают обвинять "церковников" в уничтожении науки, ссылаясь на имена Коперника, Галилея, Бруно, пишет в этой связи журналист В. Легойда (2004).

⁴ На новейшем этапе истории яркими примерами разрушительной силы ценностно оскопленного (политизированного) научного (прежде всего экономического) знания могут служить распад Советского Союза, глобальный финансово-экономический кризис (Артёмова, 2011. С. 16–33), развёртывание информационно-цифровых и биопсихосоциальных технологий гибридной войны, ныне активно распалаящая её горячую фазу в ходе военных действий на территории Украины. В совокупности такие явления, по сути, знаменуют процессы проектного завершения/разрушения истории с фатальными последствиями для человечества.

провозвестница законов гармоничной институциональной архитектуры хозяйства.

В недрах средневекового общества такая историческая миссия экономической науки не получила очевидного непротиворечивого толкования. Но драматически насыщенное многообразное осмысление ценностных устоев хозяйственного бытия в образах "архитектонического идеализма"⁵ подготовило необходимые предпосылки для разрешения бремени исторического выбора в пользу становления общественного проекта Нового времени, где в колыбели меркантилизма политическая экономия явилась миру, свитая пеленами рационализма и парадоксальности.

Меркантильная школа как предтеча научной политической экономии

Меркантильная экономическая школа идейно господствовала на мировых хозяйственных просторах в течение нескольких веков; однако в общественном сознании её ценностные основания донныне остаются существенно запутанными, воспринимаются сквозь призму напластованных устойчивых стереотипов. Так, в контексте марксистского подхода меркантилизм идентифицируется как первая крупнейшая экономическая школа, которая, однако, не является "подлинно научной" – не имеет системного характера и обуславливает процесс накопления общественного богатства масштабами внешней торговли и мерами эффективной протекционистской политики. С позиций логики буржуазного мировоззрения меркантилизм исполнен иллюзий и заблуждений, поясняет в этой связи А. Аникин. "Прибавочная стоимость, которая в действительности (*то есть по Марксу*. – Т.А.) является плодом... неоплаченного труда наёмных рабочих, у меркантилистов выступает в образе торговой прибыли. Прирост и накопление капитала представлялись им не результатами эксплуатации труда, а порождением обмена". Хотя "эти иллюзии и заблуждения не исключали того, что многие проблемы меркантилисты видели в верном свете" (Аникин, 1985. С. 45).

Меркантилизм не был случайным явлением в истории экономической мысли Европы, он отличался реализмом и актуальным практицизмом, пишут Ф. Полянский и И. Фаминский. Буржуазные экономисты считали меркантильные воззрения разновидностью суеверий средневековья, характеризовали их как наивные и странные. При этом упускалось из виду, что, рассуждая об увеличении национального богатства, представители меркантильной школы (особенно на втором её этапе) порывали с традициями экономической мысли средневековья, в частности с её поисками "справедливой цены", и фактически искали пути спекулятивного обогащения буржуазии средствами торгового грабежа и колониального разбоя (Полянский, Фаминский, 1987. С. 379). Однако такая особенность меркантильной системы не осталась вне поля зрения "буржуазных" исследователей.

Так, А. Смит сосредотачивается на критическом анализе рационально прикладной стороны меркантильной системы, говорит о её жадно-

⁵ Как отмечают специалисты, характерной особенностью мышления средневекового общества является взаимное переплетение "абстрактных понятий" и "конкретных образов", быстрый переход "от общего плана к узкому кадру" – от бытия времени к бытию пространства, от прогалин пространства к бытию бесконечности. Й. Хейзинга метко называет такой образ мышления архитектурным идеализмом (Хейзинга, С. 251; Артёмова, 2006. С. 50–51).

сти и безумии как атавизмах, сдерживающих эффективность мер современной ему протекционистской политики⁶. Апеллируя к идейным истокам меркантильной системы, Ф. Энгельс пишет, что политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения, которая "носит на своём челе печать самого отвратительного корыстолюбия". Ибо в эту пору "люди ещё жили наивным представлением, что богатство заключается якобы в золоте и серебре", нужно только поскорее запретить вывоз благородных металлов, а нации "стояли друг против друга, как скряги, обхватив обеими руками дорогой им денежный мешок" (Энгельс, 1955. С. 544). В таком же, но более широком контексте, размышляет известный философ и политэконом С. Булгаков: меркантилизм как откровенная апология личной жадности, проповедь "экономического человека", с наивной простотой обнажает идейную платформу политической экономии. Таковой является богатство (и соответственно бедность) как личное (хотя и социально обусловленное) достояние, стремление к обогащению и проистекающее отсюда соревнование индивидов, общественных групп, классов и народов. Трансцендентальные основы хозяйственного процесса почти непроницаемо занавешиваются этим всеобщим соревнованием, а его целостный характер нарушается вследствие дробления и фрагментации (Булгаков, 1990. С. 215).

Меркантильная школа доньше окутана тайной некой двусмысленности, недосказанности. Многие современные экономические концепции (либерализм, кейнсианство, институциональные подходы) указывают на свои меркантильные идейные истоки, хотя считается, что время чистого меркантилизма безвозвратно ушло. Между тем, *время торжества меркантилизма как предтечи позитивно релятивистской экономической теории и трансцендентного осмысления отношений товарно-денежного обмена только наступает.*

В свете ценностной методологии (логики Срединного пути) меркантильная система знаменует единство двойственной (теоретической и рационально-прикладной) природы экономической науки, трансцендентно обусловленное и опосредованное институтом экономического блага (экономической ценности). *О трансцендентном характере меркантильной системы свидетельствует её парадоксальный характер*, выявить который позволяет непосредственное обращение к первоисточникам. Так, в трактате "О средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов" А. Серра, в частности, называет четыре ключевых фактора национального богатства: многооб-

---

⁶ Наша меркантилистическая система поощряет главным образом ту промышленность, которая ведётся в пользу богатых и сильных, отмечает А. Смит. Законодательные акты имеют преимущественно запретительный характер, принимаются в интересах купцов и производителей-монополистов. Такие акты поощряют контрабанду, тогда как дозволенный законом вывоз, облагаемый пошлиной, приносит доход государю и таким образом устраняет необходимость установления других налогов, а следовательно, может оказаться выгодным для всех подданных государства (Смит, 1935б. С. 195–209).

разие ремесел, традиции и нравы населения, масштабы торговли, искусство политического управления (Серра, 1935. С. 92).

При этом, вопреки сложившимся стереотипам о том, что внешняя торговля, её масштабы в меркантильных системах являются наиболее могущественным и действенным источником накопления общественного богатства, в представленной классификации такой фактор указывается лишь на третьем месте. "Наличие же многочисленных и разнообразных ремесел, доставляющих государству или городу деньги, не только должно быть поставлено во главе общих средств, но во многих отношениях должно предпочитаться перед иными специфическими средствами вследствие его большей надежности", - говорит Серра (1935. С. 92).

Вторым наиболее значимым фактором общественного богатства называется трудолюбие, творческий настрой населения, побуждающий его к коммерческой активности внутри и за пределами своей страны. При этом указанное "второстепенное" средство одновременно выступает "первостепенной специфической причиной" экономического процветания в условиях общей ресурсной скудости; тогда как нерадивое население склонно воспроизводить бедность и в стране, располагающей значительными природными богатствами (Серра, 1935. С. 94–95).

Что касается торговли, то её влияние на масштабы накопления общественного богатства, по мнению автора, не является однозначным. Однако активная торговля, выгодное расположение и многочисленные ремесла в системном единстве способны продуцировать серию положительных синергетических экономических эффектов; тогда как неудобство местоположения в сочетании с праздными настроениями населения и нищетой ремесленников угнетают торговые отношения и в итоге обуславливают негативный (поглощающий) синергетический эффект (Серра, 1935. С. 95–96).

В приведённом списке факторов искусство политико-экономического управления указано в самом конце. Между тем способность государя в совершенстве овладеть указанным искусством, по мнению автора, превращает такое средство в наиболее могущественный фактор стяжания богатства. Его можно назвать действующей причиной и высшим фактором всех других средств, которое способно организовать их совокупное синергетическое действие и позволяет достигнуть экономического благоденствия даже в тех странах, где не существует ни одного из перечисленных выше условий, пишет Серра. "И если мне скажут, что я ошибочно поместил на первом месте не это средство, а многообразие ремесел, отвечу, что сделал это, имея в виду большую надёжность последнего средства в деле накопления богатства по сравнению с изменчивой политикой правителя" (Серра, 1935. С. 97–98).

Для постижения масштабов эвристического потенциала меркантильной школы особого внимания заслуживает её центральная идея, объект пристальной и неустанной заботы – концепция и система общего торгового баланса. Такая концепция неоднократно подвергалась критике, превратным толкованиям и ныне в научно-образовательных кругах воспринимается в качестве привычного стереотипа. *В свете ценностной методологии такая идея, однако, исполняется новых актуальных смыслов. С одной стороны, она оказывается предзнаменованием теории*

общего экономического равновесия, которая в определённом виде оформилась в XX веке⁷. Так, в основе модели общего торгового баланса лежит меновая ценностная пропорция, опознанная в своё время Аристотелем и актуализированная К. Марксом. В рамках же меркантильной школы акцент сделан на институциональных аспектах реализации такой пропорции, когда *в ходе организации регулярного товарного обмена при посредстве полноценных (золотых) денег она способна трансформироваться в золотую пропорцию функционирования системы общественного хозяйства*. Действительно, в процессе обмена акторы-участники призваны как бы облагородить его грубую товарную форму: постоянно возвышаться в своём внутреннем достоинстве, лицезря золотой эквивалент, ценностно приближаясь к нему как к идеалу. С другой стороны, концепция торгового баланса является не просто умозрительной, но рационально практичной, ибо со времён зарождения представлений о торговом балансе в 1620-е годы в рамках меркантильной системы предпринимались попытки конкретных его расчётов, в частности, для Англии (Ананьин, 2001б. С. 35).

В целом меркантилистская политика балансирования внешнеэкономической деятельности государства посредством регулирования притока-оттока денег и обмена валюты в строгом соответствии с её золотым содержанием получила название "бульонизма" (от англ. bullion – золотой слиток). В сочинениях бульонистов золото нередко отождествлялось с богатством вообще, а торговля сводилась к своего рода битве за золото, пишет О. Ананьин (2001б. С. 33). *Феномен "битвы за золото" как аллегорию категорического императива меркантильной системы о золотой природе денег и отношений товарно-денежного обмена* (Артёмова, 2007. С. 45–53) современному глобальному сообществу необходимо осознать как можно быстрее для сохранения спасительного равновесия в условиях нарастания хаоса и неопределённости перспектив хозяйственной жизни.

Ныне остаётся также малопонятным и недооценённым творческий вклад меркантильной системы в формирование принципов хозяйственного мышления в условиях перераспределения властных ролей между государством и церковью. В Новое время государство всё более подчиняло своим целям хозяйственную деятельность и идейно теснило церковь, апеллируя к необходимости защиты национального интереса, опираясь на новое понимание общественного богатства. Указанные концепты, наряду с понятием национального богатства, впоследствии положенным в основание научной системы экономического знания, были введены в оборот и осмыслены сторонниками меркантильной школы. "Меркантилисты ввели ёмкое понятие "национальное богатство", хотя и использовали его для реабилитации грабительской деятельности буржуазии", - отмечают в этой связи Ф. Полянский и И. Фаминский (1987. С. 388).

⁷ Считается, что понятие общего торгового баланса страны (в отличие от частных торговых балансов, регулирующих отношения с отдельными странами) вводит в оборот Т. Ман в работе "Богатство Англии во внешней торговле" (Ананьин, 2001б. С. 35). Рассматривая такое обобщение в контексте мировой направленности национальной хозяйственной деятельности в меркантильных системах, можно говорить о провозвестии глобальной миссии института общего экономического равновесия, которую человеческому сообществу только предстоит осознать.

Между тем, способствуя модернизации хозяйственных устоев в ходе замещения церковных принципов их организации светскими, представители меркантильной школы одновременно подготавливали предпосылки для обогащения рационализма (экономизма) светской жизни новыми этическими нормами – оплодотворёнными светом экономической ценности истинами научного знания. *Предвосхищение теории и феномена экономического релятивизма позволило представителям меркантильной школы реализовать свою историческую миссию: обозначить платформу национального богатства как прообраз института общественного благосостояния.* На таком краеугольном камне получила возможность оформиться и обрести научное ценностное лицо классическая политическая экономия.

Выходит, что *меркантильная школа является не просто идейной служанкой буржуазии*, поощряющей её родовые инстинкты, *но предтечей и свидетелем троического ценностного величия экономической науки*; с укреплением позиций последней её общественно преобразующая роль снижается (уменьшается), но никогда не изглаживается из исторической памяти как самой крупной экономической школы, но наименьшей в свете ценностного достоинства классической (институциональной) политической экономии.

В целом парадоксальная рациональность (рациональная парадоксальность) меркантильной экономической школы обуславливает трансцендентный характер воспроизводимой ею ценностной картины мира как составляющей политической экономии в широком смысле. Хотя различить такую панораму за паттернами буржуазного интереса капитализации (предметного поля политической экономии в узком смысле) можно только в свете ценностной методологии экономической науки. В этой связи суждения представителей марксистской школы о том, что меркантильная система ненаучна (Полянский, Фаминский, 1987. С. 383–389) (равно как и то, что Аристотеля лишь условно можно называть первым экономистом) не лишены оснований. *Ибо в досмитианской экономической традиции отсутствует понятие стоимости – экономической ценности, которое институционализирует, конституирует экономическую теорию как науку.*

Немеркнущий свет классического экономического наследия

Отношения стоимости как воплощение и отображение сущностных устоев хозяйственного бытия являются формообразующими для любой сферы и отрасли общественной жизни. Понятие стоимости институционализирует науку как одну из форм общественного сознания, а следовательно, и научную картину мира в целом. Ибо по своему предмету научное знание есть знание о бытии и потому являет прочную и незыблемую истину, говорит Аристотель (Аристотель, 1983. С. 175, 178).

В отличие от всей совокупности наук, которые в своей теоретической (рациональной) части опосредованно – неявно, хотя и непреложно, идентифицируются стоимостными (ценностными) отношениями, экономическая теория (политическая экономия) *со времён Адама Смита* указанные отношения имеет в качестве непосредственного предмета: центрального понятия и ключевой проблемы. С этого времени *процесс стяжания общественного богатства обретает ценностные ориентиры благо-*

состояния, а вместе с тем и основания для внутренней и внешней уравновешенности – институциональной экономической гармонии. Адекватным методологическим приёмом анализа внутренне устойчивой и динамично меняющейся системы общественных экономических отношений, которая в процессе своей исторической эволюции отображает логику развёртывания бытия экономического пространства-времени как превращённых форм (трансформ) экономической ценности (экономического блага), является *смитовская дихотомия труда затрачиваемого и труда покупаемого* (Смит, 1935а. С. 30–51; Артёмова, 2006. С. 63–70). По сути такая предметно-методологическая дихотомия образует ядро ценностного инверсионного механизма релятивистского преобразования бытия экономического пространства-времени с благоприятным для глобально-локального социума-универсума разрешением экономической истории.

Синергия ценностного предметно-методологического взаимодействия генерирует потенциал *формирования позитивно релятивистской экономической теории (логики Срединного пути)*, способной отобразить генезис и исторические судьбы своего объекта (системы общественного хозяйства) как сложного событийного образования в единой пространственно-временной системе координат и высветлить предпосылки трансляции всего многообразия вариантов возможного социально-экономического выбора в русло управляемой процессуальности. При этом абсолютная свобода выбора и жёсткая причинно-следственная его детерминация как маргинальные версии функционирования сложных систем знаменуют крайние формы общественного отчуждения, генерирующего импульсы саморазрушения и хаоса. Как источник творческого созидания, в своём относительном, промежуточном, взаимопретеклющем состоянии, глобально-локальный общественный выбор получает адекватное ценностное отображение логикой Срединного пути, несводимой к вероятностным представлениям и раскрывающей пути конструирования гармоничных порядков из хаоса – институциональной архитектоники, в пределах которой снимается сама проблема выбора и сопутствующее ей состояние неопределённости хозяйственных перспектив.

Между тем алгоритмы развёртывания потенциала ценностного предметно-методологического взаимодействия на основе принципа дихотомии труда затрачиваемого и труда покупаемого в текстах Смита не являются очевидными. Они проявляются лишь в свете ценностной методологии и требуют фундаментального осмысления. В своё время *масштабность научного откровения, представленного в "Богатстве народов"*, с одной стороны, получила должное признание в интеллектуальной среде⁸, с другой – могла быть научно освоена не иначе, как частями. Основной методологический инструментарий Смита – научно-метафизический способ анализа и аксиоматический приём изложения (интеллектуального

---

⁸ А. Смита, без сомнений, можно отнести к числу учёных со счастливой судьбой: он воочию наблюдал общественное признание своего научного детища. Рукопись "Богатства народов" при жизни автора претерпела пять изданий, была опубликована во Франции и Германии. Экономические идеи, представленные в книге, так воспламенили общественный интерес, что ею зачитывались в светских салонах (о чём свидетельствуют "крылатые" строки из "Евгения Онегина"); они с неудержимой силой торили *широкое русло свободной научной экономической мысли*.

общения) – вызывал здоровое научное недоверие и побуждал лучшие умы Нового времени к ценностному диалогу с автором.

Формальное, "внешнее" (вследствие закономерно подготовленного, но тем не менее неожиданного явления научной политической экономии) восприятие методологического принципа разделения производительного труда на труд затрачиваемый и труд покупаемый привело к научным дискуссиям. В результате в "Богатстве народов" было выявлено множество толкований, казалось бы, единого по своей природе феномена экономической ценности, а именно: трудового обоснования стоимости; подхода, в соответствии с которым экономическая ценность определяется количеством купленного общественного труда в обмен на товар; концепции издержек производства ("аддитивной теории стоимости"), когда тремя источниками экономической ценности признаются заработная плата, прибыль и рента; истолкования с позиций бремени труда, при котором стоимость обуславливается ценностью времени "досуга, свободы и спокойствия", которым жертвует работник в процессе труда и т. д.⁹ (Артёмова, 2006. С. 64–65). Впоследствии каждое из указанных толкований было взято за основу отдельными научными течениями экономической мысли, а влиятельные представители научных школ вступили в борьбу за методологическое лидерство. В ходе идейной конкуренции смитианская монументальная научная экономическая картина мира показалась логически противоречивой (несогласованной) и функционально незрелой – несовременной.

Сердцевиной экономической системы А. Смита и одновременно её ключевым ценностным парадоксом является *проблема трансформации стоимости в цену производства* (отчётливую формулировку она получила в трудах Д. Рикардо и К. Маркса)¹⁰, которая также, по обыкновению его подхода, была представлена преимущественно повествовательно-аксиоматически.

Содержание такой проблемы, на первый взгляд, кажется довольно простым и одновременно интригующим. У диких (примитивных) народов, живущих плодами своих рук, каждый трудоспособный субъект старается

⁹ В действительности (в контексте социально-экономического осмысления теории относительности) парадоксальная гармония института экономической ценности (экономического блага) как превращённой экономической формы, единой во многообразии и многообразной в единстве, предполагает существование не только перечисленных, но бесконечного множества иных его образов. Воплощение бесконечности образов ценностной картины мира в едином понятии экономического института как предмета политической экономии представляется рационально непостижимым и невозможным. Но позитивно релятивистская экономическая наука (политическая экономия в широком смысле) по природе вполне адекватна собственному предмету, что даёт ей возможность воспроизводить свой объект как многообразную (многоликую) гармоничную институциональную архитектуру хозяйства.

¹⁰ Проблема трансформации стоимости в цену производства, одновременно теоретическая и функционально прикладная, возбудила исследовательский интерес представителей лучших умов Нового времени, прежде всего, Д. Рикардо и К. Маркса. Со временем она не утратила значимости, и сегодня, на фоне накопления критического потенциала общественной конфликтности, нарастания социально-экономической энтропии мирохозяйственной системы, достигла пика актуальности. Так что её надлежащее широкое прояснение и разрешение требует безотлагательного приложения коллективных творческих усилий.

изо всех сил добывать всё необходимое для жизни, пишет Смит. Однако, несмотря на усердные старания, такие сообщества, как правило, пребывают в состоянии бедности и нужды. Напротив, у народов цивилизованных, хотя у них значительное число людей совсем не работает, причём многие неработающие потребляют продукты в десять, а часто и в сто раз большего труда, чем большинство работающих, – продукт всего труда общества в целом так велик, что часто население бывает в изобилии снабжено им и процветает (Смит, 1935а. С. 4).

При этом, указывая на существенную разницу между действительной (отражающей затраты труда) и рыночной ценой благ, А. Смит предлагает также, на первый взгляд, достаточно простое и одновременно парадоксальное объяснение этого явления. В хозяйственных системах с недостаточной капитализацией, при отсутствии права частной собственности на земли затраты труда, по-видимому, являются единственным основанием для товарного обмена, рассуждает он (Смит, 1935а. С. 45). Но с укоренением института частной собственности, прежде всего, права собственности на капитал и землю, экономическая ситуация в обществе существенно меняется: здесь формируются средние (естественные) нормы заработной платы, прибыли и ренты, которые входят в цену большинства товаров, закономерно трансформируя её в институт естественной цены; хотя прибыль и рента в качестве составных частей такой цены существенно отличаются от заработной платы и формируются на совершенно других началах (Смит, 1935а. С. 46–47).

Теперь естественная цена заступает место стоимости и превращается в центр тяготения рыночных, или "фактических", цен. Но, в конечном итоге, и в капиталистическом обществе именно "труд определяет стоимость не только той части цены, которая приходится на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на ренту и прибыль" (Смит, 1935а. С. 47). Таким образом, выходит, что в капиталистическом обществе *закон стоимости претерпевает сущностную модификацию*: основанием рыночной цены становится не стоимость (действительная цена), а цена естественная, которая с необходимостью призвана обеспечить всем рыночным субъектам – владельцам труда, земли, капитала – получение естественных (стандартных) норм дохода, тогда как подлинным источником ("действительной ценой") заработной платы, прибыли и ренты по-прежнему являются общественные затраты труда. Механизм генетической взаимосвязи между действительной, естественной и рыночной ценой в "Богатстве народов" Смит подробно не описывал и не разъяснял, постулируя его, как бы предлагая "взять на веру".

Такой парадокс не мог не привлечь научного внимания, тем более что проблема ценностной трансформации, вследствие трансцендентного характера отношений стоимости, оказывается не просто теоретической, но практически актуальной и глобально (вселенски) значимой¹¹. Сегодня

¹¹ Космогонический характер проблемы трансформации стоимости в цену производства обуславливается трансцендентным содержанием *цены как основополагающего общественного института*. Отображая взаимное перетекание отношений стоимости и предельной полезности как бытия экономического пространства-времени, институт цены выступает генетической единицей хозяйственной системы, способной эффективно синтезировать, хранить и транслировать социально-экономическую информацию. ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2022. № 4

становится понятно, что она знаменует процесс системной трансформации многообразного бытия общественной хозяйственной жизни в состояние гармоничной институциональной архитектоники ноосферы. Так что обойти её не может ни один исследователь, претендующий на общественное признание и свою долю научной истины. В этой связи все поколения экономистов донныне с необходимостью ведут незримый диалог с Адамом Смитом, однако содержательность и результативность такого диалога обусловлена его ценностной составляющей.

Так, одним из первых означенную проблему подверг скрупулёзному методологическому анатомированию Д. Рикардо. В ходе исторического ценностного диалога он вынужден был признать правоту А. Смита и тем самым идейно присоединился к его системе. Преемственность ценностной методологии (логики Срединного пути) в трудах В. Петти, А. Смита, Д. Рикардо позволила сформировать классическое институциональное русло политической экономии в широком смысле, одновременно воспроизводящее и отображающее логико-исторический процесс развёртывания превращённых экономических форм¹².

В целом же для всех основополагающих экономических школ, выросших из "адамова семени" и претендующих на роль методологических лидеров современности, проблема трансформации стоимости в цену производства стала своеобразным камнем преткновения (идейного "соблазна"): никто из них проверки ценностным пробирным камнем А. Смита не выдержал. Экономическая система К. Маркса выявила теоретическую несостоятельность вследствие логического противоречия между первым и третьим томами "Капитала"; доктрина неоклассического синтеза идейно надломилась из-за отсутствия логической связки между микро- и макроуровнями экономического анализа; традиционное русло институциона-

---

мическую информацию, обеспечивая подчинение механизма совокупного общественного воспроизводства законам экономической эффективности и социальной справедливости (Артёмова, 2006. С. 169–170).

Экономическое благо (ценность) как институт, таким образом, в свёрнутом виде содержит в себе не только сугубо экономическую, но и социальную составляющую общественного хозяйственного организма-универсума. Институт цены суть условие, содержание, результат и мера экономического выбора хозяйствующих субъектов в системе природа – человек – общество, объединяющей естественно-экономические, организационно-экономические и социально-экономические связи и отношения. Любой индивидуальный выбор в такой системе является лишь элементом общественного выбора и в свёрнутом виде содержит в своей ценностной генетической памяти всё историческое наследие прошлого, а в ценностных ожиданиях – всё многообразие вариантов будущего выбора. **Институт выбора фокусирует ценностные отношения, объединяя под сенью экономической ценности всё многообразие её форм и проявлений и тем закладывает основы для формирования целостной институциональной картины мира.** Ценностное основание выбора в конечном итоге выводит его за пределы бытия экономического, нацеливает на Высшее благо, выбор духовный (Артёмова, 2006. С. 169–170; 198–200; 363–365).

¹² Распознать такое институциональное русло в трудах его основателей возможно лишь в свете ценностной методологии экономической науки, которая творчески восстанавливает Марксово понятие превращённой экономической формы в качестве исходного и основного ценностного отношения в конструкте институциональной архитектоники хозяйства, актуализированном ныне в трудах А. Гриценко и сторонников его научной школы (Гриценко, 2003; 2008; 2013; 2021).

лизма функционально исчерпалось по причине ценностной "близорукости" – неспособности опознать цену как основополагающий общественный институт. И все вместе претенденты на идейное лидерство не прошли проверки институтом меры экономической ценности (Артёмова, 2006. С. 81–108; Артёмова, 2007). Так что для сокрытия своей фундаментальной методологической несостоятельности за фасадом мнимого благополучия ведущим экономическим школам выгодно было представить классическую политическую экономию, а вместе с тем и теорию экономической ценности неактуальным историческим пережитком, блеклой тенью некогда легендарного прошлого (Артёмова, 2006. С. 126–128)¹³.

Но молчаливый сговор против теории экономической ценности не обеспечил благосостояние для экономической науки: ценностная нищета её методологического инструментария в приложении к объектам хозяйственной жизни способствовала тому, что вместо намеченной в русле логики Срединного пути общественной ноосферной трансформации "природы сотворённой в природу творящую" (по С. Булгакову), "мертвящие" экономические формы стали активно теснить творческую природу.

Деформации ценностных отношений как причина хозяйственной процессуальности и социального разлада

Известно, что в Новое время мировое сообщество испытало чудесные метаморфозы: оно стало европоцентричным и одновременно, в лице хозяйственных систем европейских стран, обрело ценностные ориентиры устойчивого экономического развития, приобщилось к опыту функционирования демократических институтов, испытало их преобразующее культурное влияние. Такие чудесные превращения неслучайны: они смогли реализоваться под благотворной сенью обретшего ценностный фундамент научного знания.

Между тем *исходно концепт европейских ценностей не был осмыслен в системе координат фундаментального научного знания*; ключевое для организации благой деятельной общественной (государственной, политической, по Аристотелю) жизни *понятие экономической ценности как экономического блага не получило надлежащего научного истолкования и последовательного развёртывания* и впоследствии замерло в своём развитии. Небрежное отношение к духовному наследию привело к тому, что мировой социум утратил представления о содержании подлинных европейских ценностей, а со временем и сами ценности: они подверглись отчуждению и произвольной интерпретации в методологических матрицах традиционных течений марксизма¹⁴, неоклассического

¹³ С этого времени в экономической науке *идейные амбиции стали поступательно теснить идеалы научной истины*; тем самым в обществе сформировалась устойчивая тенденция политизации экономических отношений, которая со временем обрела форму гибридной войны и ныне подвела глобальный социум-универсум к пределам исторического небытия.

¹⁴ Следует заметить, что в Марксовой системе координат конструкт европейских цивилизационных ценностей представлен наиболее отчётливо – в качестве трёхзвенного интеллектуального сплава немецкой классической философии, английской буржуазной политической экономии, течений утопического социализма и коммунизма. Оpozнание и последовательное научное переосмысление такого наследия обеспечивает синергию его творческого потенциала, что открывает перед "общественным наблюдателем" возможности эффективного управления историей: не

синтеза (либерального маржинализма), институционализма (Артёмова, 2019. С. 5–7). Так что сегодня отдельный субъект и глобальный социум, сохраняя в глубинах генетической памяти ассоциации о связи подлинных европейских ценностей с добродетелями разумной счастливой жизни, в действительности не может толком прояснить их содержание (Артёмова, 2017. С. 12–26).

В свете сказанного получается, что у *нынешнего официально декларируемого традиционного концепта европейских ценностей, по сути, нет фундаментальной научной основы*, а следовательно, и существенной связи с ценностными устоями хозяйственного бытия. Существующие представления о величии и привлекательности демократических институтов зиждутся на вере глобального сообщества в некое эпическое историческое событие их обретения, зафиксированное нормами добровольного общественного договора. Такая вера вкупе с технологической "хитростью" рыночной природы до сих пор спасает от краха (аналогичного стремительному распаду институтов системы традиционного социализма) ценностно обветшавшие институциональные конструкции.

В свою очередь идейная самоизоляция официальных течений современной экономической мысли от институционального ядра европейских ценностей обуславливает тенденцию их методологической деградации, вследствие чего гражданское сообщество неуклонно погружается в глубины неведения относительно ценностного содержания отношений благосостояния и благоустройства как истоков гармоничной институциональной архитектоники.

Так в Новейшее время в развитии экономической науки обозначились две противоположные тенденции, обусловившие её исследовательские возможности и статус в обществе на начало XXI века. С одной стороны, здесь в русле логики Срединного пути была сформирована ценностная модель общего экономического равновесия системы общественного хозяйства. К концу XX века эта модель переросла узкие рамки локальной концепции и приобрела глобальное значение, *во-первых*, как интегративная (междисциплинарная) парадигма, *во-вторых*, как идейная платформа для обоснования условий равновесного функционирования и устойчивого развития глобального социума-универсума. Одновременно де-факто статус ведущей научной доктрины обрела экономическая теория в целом.

С другой стороны, обозначившийся в XIX веке ценностный раскол методологического ядра экономической науки, во второй половине XX века достиг своего апогея. Идейная самоизоляция теории стоимости и маржинального анализа в традиционных научных концептах ортодоксального марксизма и либерального маржинализма ознаменовала окончательный отход экономической теории от логики Срединного пути и её системный методологический кризис.

Однако с учётом общественного статуса экономической науки изъяны методологического ядра не являются её частным делом, не относятся к сфере сугубо умозрительного характера: через учебные курсы и прин-

---

просто различным образом объяснять мир, но деятельно преобразовывать его (Маркс, 1955. С. 4). При этом важно учитывать, что адекватным миропреобразующим ядром выступает институт экономической ценности (экономического блага).

ципы экономической политики они непрерывно транслируются в реальную хозяйственную среду, воспроизводятся в поведении экономических субъектов. Деформации ценностных отношений прорастают плевелами поведенческих девиаций, идейного противостояния, социального раздора. Вследствие этого в Новейшее время социум не может полноценно осознать и реализовать свою историческую миссию, что на практике оборачивается дальнейшим нарастанием социально-экономической процессуальности, хаоса и катастроф. Разрушилась и сошла с исторической арены система традиционного социализма, методологически опиравшаяся на неравновесную конструкцию ортодоксального марксизма. Глобальный финансово-экономический кризис обозначил пределы традиционной системы рыночного хозяйства с основанием в виде модели экономического либерализма. Стремительное размывание основ равновесия хозяйственной системы сегодня продолжается; новая стадия гибридной войны поставила глобальный социум на грань исторического небытия.

Между тем ценностная методология не исчезла и не девальвировалась. Преемственность с наследием классической политической экономии можно отчетливо наблюдать в трудах А. Маршалла, Л. Вальраса, Й. Шумпетера, Ф. Найта, Дж. Кейнса, Дж. Гэлбрейта, П. Сраффы, Дж. Робинсон, других авторов. Несмотря на то, что концепции этих учёных сегодня упрятаны на "задворки" официального мейнстрима, именно они обусловили творческие прорывы в экономической теории в течение XX века. В 1960-е годы в недрах логики Срединного пути сформировались основы новой модели экономического равновесия. Эта модель как форма реализации рикардианской идеи неизменной меры экономической ценности, предвосхищённой А. Смитом, воплотилась в концепции стандартного товара П. Сраффы (1999), которая методологически сомкнула практически всю экономическую теорию в единстве её маржинального, стоимостного и институционального течений.

Конструкт стандартного товара можно считать одним из важнейших научных достижений XX века на пути прояснения социально-экономических оснований теории относительности и принципов устойчивого развития хозяйственной системы в процессе её информационно-технологической модификации (Артёмова, 2006. С. 152–157; 210–214; 298–312). Однако традиционная экономическая наука не распознаёт истинного содержания такой концепции и тем закрывает для глобально-локального социума возможности достойного ответа на новейшие вызовы бытия.

В условиях ценностной дезориентации на фоне политизации экономических отношений и дисфункции общественных институтов борьба за трансформацию модели мирового порядка всё более обретает контуры войны против человечества (Корсаков, 2015; *Нові нерівності – нові конфлікти*, 2017; Барабанов, Маслова, 2019; Геєць, 2022; Яременко, 2022). Но не "жёсткая" сила и манипулирование технологиями информационного, биопсихосоциального воздействия являются залогом победы в такой борьбе. Идейное противоборство политико-экономических доктрин обусловливает общую конфигурацию мирового порядка и принципы конкурентного противостояния хозяйственных систем, в которое, согласно убеждениям и помимо воли, вовлекается сегодня большинство населения Планеты (Артёмова, 2006. С. 377; 2019. С. 7). Превосходство в глобаль-

ной брани достанется тому, кто сможет опознать утраченные общественные ценности и эффективно овладеть ими – восстановит их благотворный потенциал. Ибо *теория экономической ценности суть не просто достояние экономической науки, но гиперреактивное суперсовременное оружие всеобщего спасения*, аккумулирующее "силовой потенциал веры, действующей любовью".

***

В глобальном пространстве общественных взаимодействий сегодня можно наблюдать одно из редких парадоксальных явлений. Гибридная война всё более выходит из-под контроля разума, перерастая в жестокую битву за устои нового мирового порядка, а по сути – за торжество европейских ценностей жизни: ибо даже на краю бытия глобальный социум и каждый индивид будут уповать на свет европейских ценностей, потому что с ним явно или неосознанно связана надежда на спасение (Артёмова, 2017. С. 8–24). Между тем золотые ключи от нового общественного мироустройства бесхозно пылятся на обочине истории. Драматизм переживаемого исторического момента с необходимостью требует возрождения экономического мышления и стиля жизни в духе логики Срединного пути. Общественное преображение на платформе экономической ценности является актуальной глобальной творческой миссией политической экономии в широком смысле.

Литература

1. Аквинский Фома (2007). Сумма теологии против язычников. Часть I. Вопросы 1–43. Киев: Ника-Центр Эльга; Санкт-Петербург: Алетейя. 560 с.
2. Ананьин О. И. (2001а). Мир хозяйства в сознании докапиталистических эпох. В кн.: *История экономических учений* / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. Москва: ИНФРА-М. 784 с.
3. Ананьин О. И. (2001б). Кристаллизация научных знаний: XVI-XVIII вв. В кн.: *История экономических учений* / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. Москва, ИНФРА-М. 784 с.
4. Аникин А. В. (1985). Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Москва: Политиздат. 367 с.
5. Артёмова Т. (2019). Европейские ценности: либеральная доктрина сквозь призму методологии политической экономии. *Экономическая теория*. № 4 С. 5–28.
6. Артёмова Т. (2017). Европейские ценности: традиционные концепты в эпоху глобальных рыночных трансформаций. *Экономическая теория*. № 4. С. 5–31.
7. Артёмова Т. (2018). Европейские ценности: интеллектуальное пространство цивилизационного диалога. *Экономическая теория*. № 3. С. 5–28.
8. Артёмова Т. И. (2006). Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. Киев: Основа. 448 с.
9. Артёмова Т. (2007). Институт меры экономической ценности. *Экономическая теория*. № 3. С. 35–56.
10. Артёмова Т. (2022). Теория стоимости как достояние экономической науки: истоки политической экономии в широком смысле. *Экономическая теория*. № 3. С. 29–44.
11. Артёмова Т. (2011). Методологическая анатомия глобального финансово-экономического кризиса. *Экономическая теория*. № 2. С. 16–33.
12. Барабанов О., Маслова Е. (2019). Концепция глобального всеобщего достояния ("Global Commons"): новые ценности в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения*. Том 63. № 8. С. 53–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63
13. Булгаков С. Н. (1990). Философия хозяйства. Москва: Наука, Институт социологии АН СССР. 415 с.
14. Геєць В. М. (2022). Соціальна реальність у цифровому просторі. *Економіка України*. № 1. С. 03–28. DOI: <https://doi.org/10.15407/economyukr.2022.01.003>
15. Гриценко А. А. (2003). Про інституціональну архітектуру як новий науковий напрям. *Економіка і прогнозування*. № 2. С. 127–147.

16. Гриценко А. А. (ред.) (2013). Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем. Киев: НАН Украины, Институт экономики и прогнозирования. 580 с.
17. Гриценко А. А. (ред.) (2008). Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований. Харьков: Форт. 927 с.
18. Гриценко А. А. (ред.) (2021). Формування інституційної архітектоники інформаційно-мережевої економіки / НАН України, ДУ "Інститут економіки та прогнозування НАН України"; ДННУ "Академія фінансового управління". Київ. 736 с.
19. Корсаков Г. Б. (2015). Военные нанотехнологии: структура перспективных исследований в США. *США-Канада: ЭПК*. № 11. С. 95–105.
20. Легойда В. Р. (2004). За что сожгли Джордано Бруно. *Журнал "Фома"*. № 5 (22). С. 7–10.
21. Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд.*, т. 3. 629 с.
22. Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання. (2017). Тези доповідей та виступів учасників III Конгресу Соціологічної асоціації України (Харків, 12-13 жовтня 2017 р.). Харків: *Соціологічна асоціація України, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна*. 516 с.
23. Полянский Ф. Я., Дроздов В. В. (1987). Экономическая мысль феодальной Европы. В кн.: *Всемирная история экономической мысли*: в 6 т., т. 1 / под ред. В. Н. Черковца и др. Москва: Мысль. 606 с.
24. Полянский Ф. Я., Фаминский И. П. (1987). Меркантилизм. В кн.: *Всемирная история экономической мысли*. В 6 т., т.1. / под ред. В. Н. Черковца и др. Москва: Мысль. 606 с.
25. Серра А. (1935). Краткий трактат "О средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов". В кн.: *Меркантилизм. Сборник* / под ред. И. С. Плотникова. Ленинград: Огиз, Соцэргиз. 340 с.
26. Смит А. (1935а). Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2-х тт., т. 1. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 371 с.
27. Смит А. (1935б). Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2-х тт., т. 2. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 475 с.
28. Сраффа П. (1999). Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 160 с.
29. Хейзинга Й. (1989). Осень средневековья. Москва: Наука. 543 с.
30. Энгельс Ф. (1955). Наброски к критике политической экономии. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд.*, т. 1. 698 с.
31. Яременко О. Л. (2022). Україна в інституційному вимірі глобальної конфліктності та стихійної локалізації. *Економічна теорія*. № 2. С. 90–114. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2022.02.090>

Поступление в редакцию 23 октября 2022 г.

Прорецензировано 2 ноября 2022 г.

Подписано в печать 19 декабря 2022 г.

References

1. Aquinas Thomas (2007). *Summa Theology Against the Gentiles. Part I. Questions 1–43*. Kyiv, *Nika-Center Elga*; St. Petersburg: Aletheia [in Russian].
2. Ananin O. I. (2001a). The world of economy in the minds of pre-capitalist eras. In: *History of Economic Doctrines*. Moscow: INFRA-M [in Russian].
3. Ananin O. I. (2001b). Crystallization of scientific knowledge: XVI-XVIII centuries. In: *History of Economic Doctrines*. Moscow: INFRA-M [in Russian].
4. Anikin A. V. (1985). *Youth of science. Life and ideas of thinkers-economists before Marx*. Moscow: Politizdat [in Russian].
5. Artomova, T. (2019). European values: a liberal doctrine through the methodology of political economy. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 4: 5-28. DOI: [10.15407/etet2019.04.005](https://doi.org/10.15407/etet2019.04.005) [in Russian].
6. Artomova, T. (2017). European values: traditional concepts in the era of global market transformations. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 4: 5-31 DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2017.04.005> [in Russian].
7. Artomova, T. (2018). European Values: the intellectual Space of the civilizational Dialogue. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 3: 5-28. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2018.03.005> [in Russian].
8. Artomova, T. (2006). Cost and price: the logical-historical process of shaping. Kiev: *Osnova* [in Russian].

9. Artomova, T. (2007). Economic Value Measure Institute. *Ekon. teor. – Economic theory*, 3: 35-56 [in Russian].
10. Artomova, T. (2022). Theory of Value as an Asset of Economic Science: the origins of Political Economy in the Broadest Sense. *Ekon. teor. – Economic theory*, 3, 29-44. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2022.03.029> [in Russian].
11. Artomova, T. (2011). Methodological anatomy of the global financial and economic crisis. *Ekon. teor. – Economic theory*, 2: 16-33 [in Russian].
12. Barabanov O., Maslova E. (2019). The concept of "global commons" as a factor of global instability. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 63(8): 53-63. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63 [in Russian].
13. Bulgakov, S. N. (1990). Philosophy of economy. Moscow: *Nauka, Institute of Sociology of the Academy of Sciences of the USSR*. [in Russian].
14. Heyets, V. M. (2022). Social reality in the digital space. *Ekon Ukr. – Economy of Ukraine*, 1: 3-28. DOI: <https://doi.org/10.15407/economyukr.2022.01.003> [in Ukrainian].
15. Grytsenko, A. A. (2003). About institutional architecture as a new scientific direction. *Ekon. prognozuvannâ – Economics and forecasting*, 2: 127-147 [in Ukrainian].
16. Grytsenko, A. A. (ed.) (2013). Hierarchy and networks in the institutional architectonics of economic systems. Kyiv NAN Ukrainy, Institut jekonomiki i prognozirovanija [in Russian].
17. Grytsenko A. A. (ed.) (2008). Institutional architectonics and dynamics of economic reforms. Kharkov: Fort [in Russian].
18. Grytsenko, A. A. (ed.) (2021). Formation of the institutional architecture of the information and network economy / NAS of Ukraine, State University "Institute of Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine"; DNNU "Academy of Financial Management". Kyiv [in Ukrainian].
19. Korsakov, G. B. (2015). Military nanotechnologies: the structure of advanced research in the USA. *SSHА-Kanada: JePK – USA &Canada: Economics-Politics-Culture*, 11: 95-105 [in Russian].
20. Legoyda, V. R. (2004). For what they burned Giordano Bruno. *Zhurnal Foma – Foma magazine*, 5 (22): 7-10 [in Russian].
21. Marx, K. (1955). Theses on Feuerbach. In *Marx K., Engels F. Essays, 2nd ed.*, vol. 3 [in Russian].
22. New inequalities – new conflicts: ways to overcome. Abstracts of reports and speeches of the participants of the III Congress of the Sociological Association of Ukraine (Kharkov, October 12-13, 2017). Kharkov: Sotsiolohichna asotsiatsiia Ukrainy, Kharkivskiy natsionalnyi universytet imeni V.N. Karazina. (2017) [in Ukrainian].
23. Poljanskij, F. Ja., Drozdov, V. V. (1987). Economic thought of feudal Europe. In: *World History of Economic Thought: in 6 volumes, v. 1. Moscow: Mysl* [in Russian].
24. Poljanskij, F. Ja., Drozdov, V. V. (1987). Mercantilism. In: *World History of Economic Thought. In 6 volumes, v. 1. Moscow: Mysl* [in Russian].
25. Serra, A. (1935). A short treatise "On the means to supply in abundance with gold and silver the kingdoms deprived of mines of precious metals". Mercantilism. Digest of articles. Leningrad: Ogiz, Socjkgiz [in Russian].
26. Smith A. (1935a). Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In 2 vols., vol. 1. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe socialno-jekonomicheskoe izdatelstvo [in Russian].
27. Smith A. (1935b). Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations: in 2 vols., vol. 2. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe socialno-jekonomicheskoe izdatelstvo [in Russian].
28. Sraffa, P. (1999). Production of commodities by means of commodities. Prelude to a critique economic theory. Moscow: UNITI-DANA [in Russian].
29. Huizinga J. (1989). Autumn of the Middle Ages. Moscow: Nauka [in Russian].
30. Engels, F. Sketch to the Critique of Political Economy. *Marx K., Engels F. Essays, 2nd ed.*, vol. 1. 544-571 [in Russian].
31. Yaremenko, O. (2022). Ukraine in the institutional dimension of global conflict and natural localization. *Ekon. teor. – Economic theory*, 2: 90-114. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2022.02.090> [in Ukrainian].

Received on October 23, 2022.

Reviewed November 2, 2022.

Signed before printing December 19, 2022